

7. 胡锦涛. 在中国共产党第十七次全国代表大会上的报告 // 人民网NEWS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/GB/64093/67507/6429849.html>. – Дата доступа: 30.04.2018. (Ху Цзиньтао. Доклад на XVII съезде КПК. – 25.10.2007 // Информационное агентство Жэнь Минь NEWS).
8. Казанин, М. В. Культурная безопасность КНР: некоторые угрозы и способы обеспечения / М. В. Казанин // Дальний Восток России и Китай: диалог культур стран-соседей [Электронный ресурс]: междунар. научно-практич. конф.: материалы. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. – С. 151–153. – 1 CD-ROM.
9. Цзя Хуэйминь. Традиционная китайская культура в период реформ и открытости (1980–2010 гг.): дис. канд. культурологии / Цзя Хуэйминь. – Владивосток, 2017. – 303 с.
10. Меркушина, Я. С. «Мягкая сила» как инструмент формирования национально-культурной идентичности Китая / Я. С. Меркушина // Всероссийский журнал научных публикаций. – 2013. – № 5. – С. 74–76.

МЕХАНИЗМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А. Ю. Большова

Кубанский государственный университет,
филологический факультет, ул. Ставропольская, 149, 350040,
Краснодар, Российская Федерация
e-mail: bol_ann@mail.ru

В статье анализируются механизмы языковой концептуализации действительности в индивидуальном дискурсе художника слова. Современный поэтический дискурс позволяет рассмотреть возможности системной организации компонентов смыслов в сознании современного человека.

Ключевые слова: концептуализация, когнитивный уровень дискурса, пропозициональная семантика, фрейм, модель мира.

MECHANISMS OF CONCEPTUALIZATION OF REALITY IN MODERN POETIC DISCOURSE

A. Yu. Bolshova

Kuban State University, Department of Philology,
Stavropolskaya st. 149, 350040, Krasnodar, Russian Federation
e-mail: bol_ann@mail.ru

The article analyzes the mechanisms of language conceptualization of reality in the artist's individual discourse of the word. Modern poetic discourse allows us to consider the possibilities of the systemic organization of the components of meanings in the consciousness of a modern man.

Key words: conceptualization, cognitive level of discourse, propositional semantics, frame, model of the world.

Явление этнической и национальной идентичности наглядно представлено прежде всего в коммуникативном поведении представителей данного времени и данной культуры. Современный поэтический дискурс в силу особенностей жанра – многомерной символичности, метафоричности и эмоциональности – в полной мере позволяет рассмотреть возможности системной организации компонентов смысла в сознании современного человека. Реконструкция языковой картины мира с позиций системного подхода к анализу заложенного в произведение содержания непосредственно связана с раскрытием сущности языковой концептуализации действительности в индивидуальном сознании художника слова.

Поэтический дискурс как символическая система организует семантическое пространство. «Субъектом символической игры выступает человек играющий (*Homo ludens*). И эта игра отражает сущность человеческого бытия» [4, с. 16]. Художественная коммуникация как вид коммуникативной активности демонстрирует эмоциональную игру, которая задает тексты, где репрезентируются индивидуальные, личностные качества человека, его эмоциональные состояния и чувства [4, с. 16]. Поэтический текст может быть рассмотрен как воплощенная индивидуальным сознанием семиотическая реальность в соответствии с доминирующим смыслом бытия художника слова. Эмоциональная игра, воплощенная в поэтическом дискурсе, демонстрирует концептуализацию действительности посредством языковых средств на когнитивном уровне дискурса, где «ценностные образования представлены в виде информационных пространств с набором связанных в них определенным образом языковых конструкторов» [4, с. 21].

Поэтические тексты Веры Полозковой демонстрируют склонность автора к определенному способу реализации речевого общения, которое характеризуется экспрессивностью, эмоциональной окрашенностью и может пониматься как система речевых действий контакта, направленных на партнера. Ассоциативность тематической организации дискурса приводит к сближению и духовному объ-

единению участников коммуникативного процесса. Стихотворение «Настанет день, когда я упаду...» вызвало в сети множество позитивных эмоциональных откликов (у стихотворения в Instagram отмечено 6 260 отметок «Нравится»). Когнитивное основание оценки стихотворения в большинстве отзывов: обладающее чудодейственной силой, очаровательное, пленительное, превосходящее ожидания.

настанет день, когда я упаду
у дерева в черешневом саду
и лягу там, среди стрекоз и ягод,
и солнечные пятна рядом лягут –
и листья станут будто бы в меду –

я лягу там, как поздняя роса,
под самые большие небеса.
я стану облака читать как книгу,
и будто в тайну древнюю проникну,
узнаю, как бывают чудеса:

они не происходят, как гроза:
к ним нужно долго приучать глаза,
зато душа не остается прежней:
и вдруг тогда над каждой черешней
прозрачная восходит бирюза.

Стихотворение «Настанет день, когда я упаду...» отличается своеобразной поэтикой, обращенной к повседневной действительности: поэтизация будничных событий основана на использовании разговорной лексики, посредством которой происходит категоризация положения дел в картине мира поэта. Механизмы концептуализации действительности могут быть рассмотрены на когнитивном уровне поэтического дискурса прежде всего в аспекте процессов номинации явлений реальной и фантазийной действительности. Предметные слова обеспечивают идентификацию наблюдаемых в окружающем мире предметов и явлений: обозначение природных явлений и предметов: *дерево, черешня, черешневый сад, солнечные пятна, ягоды, стрекозы, листья, роса, небеса, облака, бирюза*; обозначение наиболее важных атрибутов человека – конкретное существительное *глаза* и абстрактное *душа*; присутствуют номинации артефактов – *книга* и абстрактных

понятий – *тайна, чудеса*. Таким образом, концептуализация действительности в стихотворении осуществляется посредством предметных слов, которые в ономаσιологическом аспекте обозначают в основном конкретные реалии, представляющие мир живой природы; представлены также три лексемы с абстрактным значением.

В семасиологическом аспекте лексемы-имена существительные представляют собой первообразные имена, непроизводные, немотивированные, возникшие в далеком прошлом в результате т. н. первичной номинации.

В денотативном плане лексемы обозначают реалии повседневной жизни, окружающие человека с детства и часто встречающиеся в окружающей действительности. В сигнификативном плане лексемы использованы в прямом значении с исключительно позитивной коннотацией. Выбор номинаций для обозначения предметной сферы представляется коммуникативно значимым для рассматриваемого поэтического дискурса и обусловлен его прагматикой: не-символическое использование слов обладает значительным семиотическим потенциалом, последовательно «доставая» ассоциации из опыта читателя.

Образные средства, участвующие в концептуализации поэтического пространства, могут быть отнесены к «безобразной» образности: *поздняя роса, большие небеса, древняя тайна, прозрачная бирюза*; метафоричность представлена сравнениями, основанными на привлечении разных модальностей внутреннего опыта: *листья станут будто бы в меду* (вкусовая и осязательная модальность), *облака читать как книгу* (визуальная модальность), *в тайну древнюю проникну* (логическая модальность), *чудеса... не происходят, как гроза* (аудиальная модальность), *к ним [чудесам] нужно долго приучать глаза* (визуальная модальность). Необычность авторского видения мира выражается в когнитивных основаниях метафор: облака подобны книге, и поэтому их можно читать, и узнать из них древнюю тайну о том, что чудеса бывают, но они не внезапны, их можно увидеть, если тренировать определенным образом зрение.

Основной уровень концептуализации действительности в сознании мыслящего субъекта – пропозициональный, через пропозиции развертывается фрейм как познавательная структура.

Когнитивные процессы, протекающие в сознании автора стихотворного текста, могут быть представлены и объяснены с помощью фреймовой модели. Фреймовая организация знаний, хранящих-

ся в памяти, позволяет решать проблемы, связанные с пониманием и восприятием информации: обработанные языком познавательные структуры включаются в целостную систему знаний – языковую картину мира, локализирующуюся в сознании индивида в качестве компонента целостной картины мира, не обладая внутри нее жесткими границами.

Фрейм как способ организации опыта разворачивается, в свою очередь, через логические структуры пропозиции, сцепление которых является жестко детерминированным.

В логических структурах ментального пространства субъекта получают репрезентацию отношения и свойства предметов – признаки, выражению которых служат предложения (И. П. Сусов, С. А. Сухих). Эти базовые логические структуры инвариантны и имеют различные формы реализации в языке. Они образуют пропозициональные структуры как начальный способ «упаковки» информации, которая подлежит передаче посредством высказывания [3].

Когнитивная, или концептуальная, внеязыковая сфера, локализуемая в сознании человека, образует базу для разных языковых – семантических и прагматических – значений. Здесь располагаются отражающие внешний мир и формирующие картину мира концепты как обобщенные образы, фреймы как схемы организации знаний. Языковые значения представляют в этом случае связанные (или, по И. П. Сусову, «схваченные») языковыми знаками элементы и структуры когнитивной сферы.

Художественные символы активно стимулируют сознание, и благодаря художественной образности может актуализироваться любой компонент фрейма – в этом заключается развитие потенциала сознания человека. Как только созданный автором художественный образ попадает в сферу внимания читателя-реципиента, его мышление включается в активную работу по поиску ассоциаций.

В тексте стихотворения В. Полозковой обобщение многообразия жизненных ситуаций представлено в следующих языковых формах реализаций.

Категоризация положения дел в первой конструкции стихотворения имеет аллюзивный характер и соотносится с аналогичным началом стихотворения М. Цветаевой: «Настанет день – печальный, говорят!»

У М. Цветаевой актантная семантема день проявляется в двух семантических конфигурациях и сочетается с двумя ядерными семанте-

мами – *настанет* и *печальный*: в первом случае актант день стремится к фактитиву (результативу), во втором – является перцептивом. У В. Полозковой семантический предикат *настанет* создает свое окружение при помощи актантной семантемы *день*, при которой формируется следующая пропозициональная структура, *когда я упаду*, которая для читателей, знакомых с прецедентным проявлением первой пропозиции в стихотворении М. Цветаевой, является неожиданной, создающей эффект разрыва шаблона. Предикат *упасть* (в тексте – *упаду*) – *падать* – в денотативном аспекте значит «непроизвольным движением резко опускаться сверху вниз; валиться на землю, книзу» [2, с. 488]. Сигнификативный же аспект слова связан с отрицательной коннотацией в значении «терять равновесие, устойчивость, перестать осуществлять движение вперед». Поэтому первая строка стихотворения для читателя связана с внеязыковой ситуацией, имеющей негативную семантику: наступит время, когда субъект дискурса потеряет возможность двигаться вперед. Однако во второй строке стихотворения: *у дерева в черешневом саду* – появляется на пропозициональном уровне совершенно неожиданная ситуация. И здесь тоже можно говорить о разрыве шаблона, поскольку организованная в виде пропозиций информация – поэтическое представление действительности – способствует формированию в сознании читателя своеобразного фрейма, нюансы конструирования которого человек извлекает из собственной памяти. Фрейм задает ожидания, «подсказывает», какое информационное звено еще отсутствует. Третья строка развивает позитивную эмоциональную настроенность автора, как бы дорисовывая складывающуюся картину: *и лягу там, среди цветов и ягод, и солнечные пятна рядом лягут*. В денотативном плане предикат *лечь* значит принять лежачее положение; семантический актант *солнечные пятна* реализует семантическую функцию перцептива, а предикат *лягут* представлен в сигнификативном плане со значением «расположиться, разместиться ровно, гладко» [2, с. 325]. Структурирование фрейма завершается строкой *и листья станут будто бы в меду*. В денотативном плане актантная семантема *листья* (результатив) соотносится с предикатом *станут будто бы в меду* и имеет значение – станут липкими и душистыми, как будто смазанными сладким густым медом. Сигнификативный аспект этой пропозиции – указание на лето, тепло, когда возможно безмятежное, расслабленное состояние отдыха.

Семантическая конфигурация *я лягу там, как поздняя роса, под самые большие небеса* с предикатом *лягу* и агентивом *я* метафориче-

ски разворачивается через сравнение, где *поздняя роса* денотативно связана с обозначением полудня, сигнификативно можно наблюдать уступительную семантику: хотя время уже полуденное, роса все-таки есть. *Лечь под самые большие небеса* – сигнификативно предполагает увидеть высокое голубое летнее небо, огромное в своей необъятности.

Метафорическая поэтизация высокого летнего неба с облаками и мечтаниями о чудесах приводит поэта к лексеме *душа*, которая, соприкасаясь с красотой природы, *не остается прежней*, меняется, живет, и тогда мир преобразуется и наполняется чудесами, когда *над каждую черешню прозрачная восходит бирюза*. Предикатная семантема *восходит* имеет при себе актанта *бирюза (прозрачная)*. *Восходить* в денотативном плане может солнце над землей, над горизонтом. В стихотворении *бирюза* – цвет высокого летнего неба – своим восходом охватывает каждую черешню: гиперболизация связана с семантикой восторга перед красотой летнего дня, с восторгом перед всеохватностью синего, с облаками, летнего неба (хотя синева в тексте присутствует имплицитно, вербально не обозначена).

Поскольку предложение как конструктивный знак соотносится с внеязыковой ситуацией (реальной или фантазийной) как своим денотатом, вычлняя в действительности определенный ее фрагмент, а денотатом является совокупность – ансамбль (термин И. П. Сусова) – отдельных элементов опыта, постольку стихотворение В. Полозковой не членится на предложения, не имеет знаков препинания. Не предполагается формальное членение опыта на фрагменты, границы между ситуациями внеязыковой действительности размыты, поэтические краски смешаны, и – появляется эффект импрессионистского видения мира, легкого, светлого, оставляющего впечатление волшебной фантазии. Художник фиксирует «самые мгновенные проявления душевной жизни», «тончайшие, мгновеннейшие световые явления». И тогда «пейзаж передает уже не природу, какой она бывает всегда, а старается уловить прелесть данного мгновения, тех мгновений, когда солнце, великий небесный музыкант, играет свои самые прекрасные и необыкновенные мелодии» [1, с. 856]. Импрессионистский подход к изображению действительности в стихотворении проявляется в том, что нет точности в изображении предметов и их контуров (лягу в саду среди стрекоз и ягод; солнечные пятна; листья будто бы в меду; лягу под самые большие небеса; будто в тайну древнюю проникну; прозрачная восходит бирюза); присутствует воздух (события происходят в саду, и хотя нет вербализа-

ции обонятельной модальности, запах цветов и ягод присутствует в дискурсе как впечатление от созданного образа); свежие, сияющие краски природы подтверждают, что в природе царит вечное движение и вечная смена явлений.

В поэтическом дискурсе В. Полозковой концептуализация действительности сопровождается обращением к цветописю. Цветовая гамма стихотворения состоит из светлых тонов: солнечные пятна, большие небеса (небо высокое, когда нет туч, и значит – голубое), облака, прозрачная бирюза; стрекозы и ягоды – летом, когда кругом зеленая трава и липкие молодые листья, будто бы в меду, черешни в черешневом весенне-летнем саду). Ведущей является визуальная модальность: художник полагается на свои глаза. Глаз воспринимает свет, меняющиеся краски, воздух, заглушающий, стирающий очертания предметов – в стихотворении изображено все, что можно видеть, категоризация действительности осуществляется посредством зрительных возможностей.

Восприятие природы как источника эмоций и фантазии ставит человека в центр поэтической образности, демонстрируя романтическое мировосприятие. В духе импрессионизма в стихотворении в целом фрейм – отдых в саду – представлен как эпизод жизни. Изображение мира представлено в дискурсе как впечатление; стихотворение передает восторг вечно волнующейся, вечно изменчивой жизни – в импрессионизме «художники стали переходить от реалистического воспроизведения получаемых от природы впечатлений к свободным симфоническим композициям на основе вновь открытых красочных ценностей» [1, с. 858].

Аксиологическая составляющая поэтического дискурса рассмотренного стихотворения может быть соотнесена с принципами гармонии, когда присутствие «чуждых» компонентов в мире принципиально невозможно. Принцип недосказанности, отсутствие рационалистического начала в постижении бытия, в осознании себя как части Вселенной придают поэтическому дискурсу стихотворения В. Полозковой особый смысл, посредством которого происходит формирование духовной реальности, особой структуры сознания, когда текст предполагает способность адресата выходить за рамки повседневного опыта, обращаясь к глубинам собственного «Я», к нераскрытой тайне бытия, привлекающей своей скользящей неоднозначностью и многогранностью. Модель мира, которая предопределяет поведение человека, в том числе и его коммуникативное поведение, обусловлена в стихот-

ворении В. Полозковой пониманием мироздания как динамической системы, разворачивающейся вокруг человека. Человек запечатлевает в дискурсе свое внутреннее состояние, свои эмоции, интеллект, свое отношение к предметному и непредметному миру.

В современном поэтическом дискурсе опора на форму сменяется опорой на содержание, на применение языка для выражения смысла. В статье использован феноменологический подход к исследованию закономерностей интенциональной организации дискурса.

Литература

1. Мутер, Р. Всеобщая история живописи / Р. Мутер. – М.: Эксмо, 2008. – 960 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 тысяч слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
3. Сусов, И. П. Введение в теоретическое языкознание / И. П. Сусов. – М.: Восток-Запад, 2006. – 382 с.
4. Сухих, С. А. Коммуникативная компетентность личности в общении: учеб. пособие / С. А. Сухих. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – 248 с.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ И ЗНАЧЕНИЕ СОХРАНЕНИЯ ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ИМ ЦЕННОСТЕЙ

М. С. Джафарова

Бакинский Университет Бизнеса, ул. Г. Зардаби, 88 а,
AZ1122, Баку, Азербайджан
e-mail: mehseti.ceferova@inbox.ru

В статье рассматриваются вопросы сохранения ценностей национальных культур. Утверждается, что в настоящее время в мировой политике, в мировой культуре к решению глобальных, региональных и локальных проблем, проблеме глобализации и культурной интеграции формируется новое отношение. Благодаря синтезу и развитию национальных и общечеловеческих ценностей становится возможным развитие социальной, культурной и экономической сфер всего миропорядка.

Ключевые слова: культура, глобализация, интеграция, национальные ценности, национальное наследие, взаимосвязанность.